

УДК 745.52(470.6)

ББК 63.5

Ц-18

Царева Елена Георгиевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, e-mail: celenatsar@gmail.com

К ИСТОРИИ ТЕХНИКИ И ИКОНОГРАФИИ НАСТЕННЫХ ЗАНАВЕСЕЙ «ДЖЫЙГЫЧ КИЙИЗ»

(рецензирована)

Статья представляет группу уникальных войлочных занавесей джыйгыч кийиз карачаевского и балкарского населения Приэльбрусья. Рассмотренные материалы позволяют определить типологические особенности предмета и его место в евразийской текстильной традиции.

Ключевые слова: войлоковаляние, балкарцы, карачаевцы, кийиз, пазырыкская традиция, Северная Евразия.

Tsareva Elena Georgievna, Candidate of History, senior researcher of the Museum of Anthropology and Ethnography named after Peter the Great (Kunstkamera), e-mail: celenatsar@gmail.com

ON THE HISTORY OF ENGINEERING AND “DZHYYGYCH KIYIZ” WALL CURTAIN ICONOGRAPHY

(reviewed)

The article presents a unique group of felt curtains dzhyygych kiyiz of the Karachi and Balkar population of the Near Elbrus region.

The above materials determine typological features of the subject and its place in the Eurasian textile tradition.

Keywords: felt fooling, the Balkars, the Karachi, kiyiz, the Pazyryk tradition, Northern Eurasia.

Рассматриваемые в статье мебелировочные войлочные полости **джыйгыч кийизы** составляют уникальную группу памятников изобразительного искусства карачаевцев и балкарцев Приэльбрусья. В убранстве традиционной сакли жителей ущелий и предгорий Центрального Кавказа эти роскошно декорированные черно-белые полотнища использовались для занавешивания длинных полок для одежды и посуды. Сырьем для изготовления служила высококачественная шерсть местной, карачаевской породы овец, выведение которой маркирует важность шерстобитных производств для населения Приэльбрусья.

Подробно **джыйгыч/джыйеьыч кийизы** были впервые описаны Е.Н. Студенецкой, выдающегося знатока культуры народов Северного Кавказа [1]. Ее исследования были продолжены в работах других авторов, среди которых наибольший интерес представляют статьи А.Я. Кузнецовой, К.М. Текеева и Л.В. Самариной [2], посвященных описанию особенностей этих самобытных предметов убранства горской сакли. В частности, в работе К.М. Текеева рассматривается техника изготовления **ала кийзов**; в то время как Л.В. Самарина исследует проблему интерпретации мотивов и цветовых решений войлоков населения Приэльбрусья. За последние десятилетия данные о происхождении используемых карачаевцами и балкарцами техник изготовления войлоков и используемых в их декоре мотивов

расширились. Предлагаемая статья рассматривает такого рода новейшие сведения, и на основе их анализа определяет место карачаевско-балкарской линии войлоковаления в контексте евразийской текстильной традиции.

В отличие от прядения и ткачества, принцип войлоковаления сложился исторически поздно, что было обусловлено временем выведения шерстистой породы овцы [3], и на ограниченных зонах развитого овцеводства территориях Древнего мира, что диктовалось материалоемкостью войлочного производства. Освоение техники, предположительно, произошло к концу IV – началу III тыс. до н.э. [4]. Первичными ареалами ее формирования, видимо, стали северо-западные пространства Юго-Западной Азии и Циркумпонтийской зон, быстро расширившееся на ареал обитания степных овцеводов. В ходе миграций III-II тыс. до н.э. практика войлоко-валения проникла далеко на восток, в бассейн реки Тарим (современный Уйгурский АР КНР (Синьцзян)). Именно там были обнаружены самые ранние известные нам войлоки. Датированные II тыс. до н.э. находки из поселений Лоп-Нора являются однотонными предметами белого цвета; в то время как изделия I тыс. до н.э., Зангулак, украшены красными, оранжевыми и голубыми полосами, и сине-коричневой клеткой, в технике вкатывания [5].

По мере систематизации и сопоставления археологических и этнографических данных становилось очевидно, что разные территориально-культурные зоны производства войлоков имеют выраженные особенности в способах декорирования. Анализ локальных отличий позволил выделить четыре линии войлоковаления, условно названных автором анатолийско-иранской-пазырыкской-сюннусской и европейской [6].

I. Традиционными для анатолийско-иранской линии являются способы вкатывания узора. Техника прослеживается с середины III тыс. до н.э. («горизонт сокровищ» Бейджисултана), и связывается с культурой пришедших в Анатолию с севера степных индоевропейцев. Сохранившиеся фрагменты позволяют увидеть окрашенные полотнища со следами вкатанных узоров [7]. Высокохудожественные образцы данной линии I тыс. н.э. имеют рамочную композицию с изысканным цветочным декором [8].

II. Создатели пазырыкской линии (алтайские курганы VI-III вв. до н.э.) разработали метод аппликации. Основой их войлоков, особо занавесей, служили тончайшие (2-3 мм толщиной) полотнища белого цвета, на которые мелкими стежками нашивались вырезанные также из войлока мотивы, иногда в окантовке шнура белого цвета (рис. 1). Рисунок занавесей имеет открытые фризовые композиции с мифологическими сюжетами; в расцветке доминируют белый, красный и синий цвет [9].

III. Сюннусцы (изучены изделия из курганов Ноин-Улы, рубежа эр) использовали прием аппликации, при котором на толстую, крытую шелковой или шерстяной тканью войлочную основу плотно пристегивались мотивы, вырезанные из шерстяной ткани или войлока и окантованные крученым шнуром светлых тонов. Выявлены постилочные ковры, с прямоугольным центральным полем, в обрамлении широкой каймы с сюжетами борьбы зверей и вертикальными древовидными мотивами (рис. 2) [10].

IV. В европейской традиции (фиксируется со II тыс. до н.э.) доминирует техника производства полувойлоков (сукна, бурки и пр.). Собственно войлоки шли на изготовление изделий простых (изоляты, попоны), и сложных форм (воинские доспехи, шляпы, др.). Этнографические артефакты декорированы вышивкой, нашивками, росписью [11].

Четко фиксируемые на начальных периодах сложения, в процессе

передвижений масс населения Евразии войлоковальные традиции разных типов обогащаются «иноземными» традициями. Анализ изменений в локальных практиках показывает, что в области войлочного производства нововведения воспринимались как единое целое, то есть предмет заимствовался вместе с характерной для него техникой и декором. Судя по особенностям войлоков карачаевцев и балкарцев, сложение присущих этим этносам практик прошло тот же путь. Эта черта была отмечена уже Е.Н. Студенецкой: «В Карачае и Балкарии та или иная техника связывалась с определенным назначением войлока» ... что находит «... свое объяснение в исторических связях и этногенетических моментах» [12]. Так, техника вкатывания (*кьолан кииз* или *ала кииз*) используется при производстве разного рода постилочных предметов и покрышек, с рамочной композицией. Инкрустация (*оюулу кииз* или *бичкен кииз*) распространена мало; данный вид, видимо, был воспринят, достаточно поздно, от кумыков [10].

Наиболее оригинальную группу карачаевских и балкарских войлоков представляют составившие тему данной статьи полосы *джыйеьыч киизы* (*джыйгыч киизы*), в технике аппликации служащие, как видно уже из названия, для занавешивания полок в сакле. Технически все известные образцы идентичны. А именно: тончайшее основное полотнище изготовлено из шерсти, черно-коричневого цвета, на которое тонкими нитями, короткими стежками нашиты вырезанные из белого войлока элементы декора (рис. 3).

Рис. 1 - Деталь большого войлочного занавеса.
5-ый Пазырыкский курган. Саки. Алтай. III век до н.э.
Собрание Гос. Эрмитажа. Фото автора.

Рис. 2 - Фрагмент ковра из 6-го кургана Ноин-Улы. Сюннусцы.
Рубеж эр. Изображение было любезно передано
Е.И. Лубо-Лесниченко

Рис.3 – Занавес *джыйгыч кийиз*. Балкарцы, сел. Гунделен КБАССР.
Начало XX в. Собрание РЭМ, колл. № 6086-7. Публикуется по: [23]

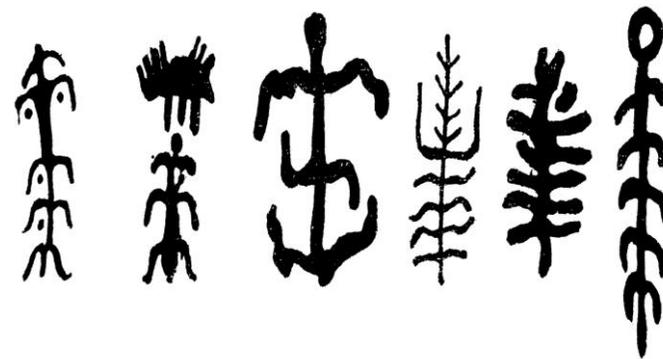

Рис. 4 - Прорисовки петроглифов с изображениями рожаниц и
матерей-прародительниц на памятниках Евразии эпохи
энеолита. Публикуется по: Новгорова Э.А. loc. cit., рис. с. 100

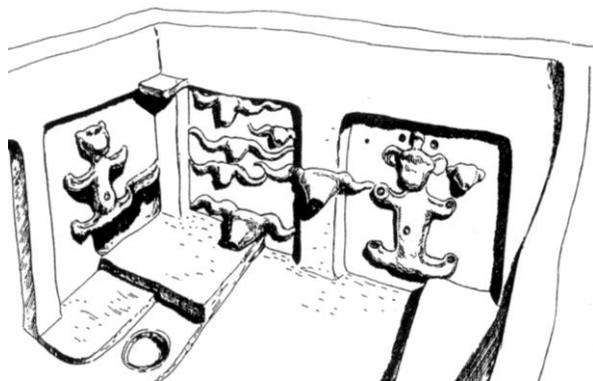

Рис. 5 - Чатал-Хуюк, Анатолия, кон. VII - сер. VI тыс. до н.э.
Святилище Е. VI, 10. Публикуется по [24]

Рис. 6 - Деталь ковра с женскими фигурами в позе «на ипагате».
Собрание РЭМ, колл. № РЭМ 10498-2. Фото автора

Рис. 7 - Деталь полосы для
обвязывания юрты **иолам**.
Туркменистан. Туркмены. Не позднее
18 века. Собрание П. Хоффмайстера,
Германия. Изображение любезно
предоставлено владельцем

Рис. 8 - Бляшка с
изображением змееногой
богини Апи. Курган Большая
Близница, V в. до н.э.
Собрание Гос. Эрмитажа.
Публикуется по: [25]

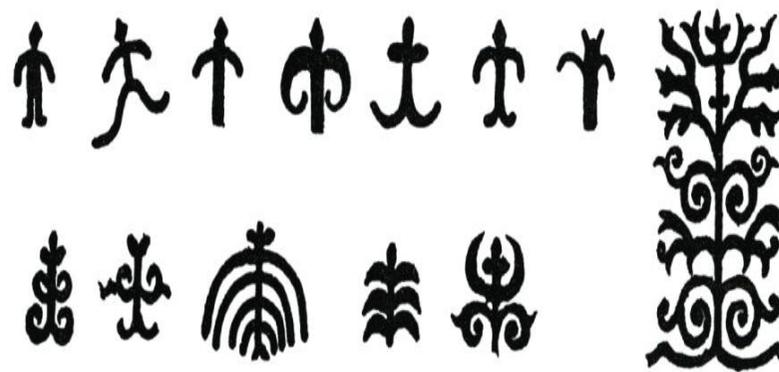

Рис. 9 - Прорисовки мотива **адам сурат** на войлочных полках
карачаевцев и балкарцев. Публикуется по:
Студенецкая Е.Н., loc.cit., рис. 8.

С точки зрения приемов изготовления наиболее близкие исторические аналоги технике *джыйгыч кийиз* обнаруживаются среди занавесей из 5-го пазырыкского кургана (рис. 1). Общность распространяется на близкую по качеству шерсть, необычайную тонкость полотнищ завес, метод аппликации войлоком по войлоку, способ нашивания декоративных деталей. Отметим, что технические качества этих войлоков непревзойденны, и ни в какой иной известной практике изготовления художественных войлоков данный вариант аппликативной техники не выявлен.

Пазырыкским занавесям и карачаево-балкарским *джыйгыч кийизам* присуще и общее фризовое расположение рисунка. Можно предположить, что выбор композиции был обусловлен функцией предметов и восходит к настенным росписям. До определенной степени такое утверждение верно, однако *джыйгыч кийизы* являются уникалами для своего места и времени, поскольку среди иных видов настенных текстильных изделий Кавказа фризовые композиции не выявлены (сравнение с полосатыми килимами не корректно, так как генетически их декор восходит к рисунку сшивных полотнищ). Иные фризовые по строению рисунка изделия Евразии – надлавики украинцев и молдаван – принадлежат к иной категории текстильных памятников, поскольку имеют каймовую композицию и иное, чем *джыйгыч кийизы*, функциональное назначение. Наиболее близкими по функции и элементам декора аналогами оказались туркменские полосы для обвязывания юрты *иолам*, к которым мы вернемся ниже [14]. Столь же оригинальны и рисунки *джыйгыч кийизов*. С точки зрения строения композиции их можно отнести к двум типам, отличающимся основными сюжетами и, как нам представляется, временем сложения иконографии. Их общие черты – черный фон, контрастный рисунок белого цвета (в поздних вариантах появляются и иные тона); две-три узкие полосы орнамента вдоль нижней продольной кромки; безузорная верхняя часть. Пространство основного поля позднего типа декорировано тремя ромбовидными медальонами *ай*, с промежуточными фигурами, как правило, солярного и антропоморфного характера [15].

Рисунок поля раннего типа построен иначе. Опишем иницировавший написание данной статьи архаичный образец (рис. 3). В его нижней части традиционно расположены три орнаментальные полосы: одна составлена черными и белыми треугольниками; средняя – белым зигзагом на черном поле; верхняя представляет ряд вертикальных древовидных фигур. Основное поле украшено тремя образованными зигзагом арками, в каждую из которых вписана фигура, названная у Е.Н. Студенецкой *джетек* («побег, отросток»). В верхних углах композиции помещены изображения солнечного колеса (у Е.Н. Студенецкой зафиксировано как мотив змеи *джилян* [16]), лунной свастики (там же – названо солнцем *кюн*) и паука *гыбы*.

А.Я. Кузнецова сводит разнообразие декора *джыйгыч кийизов* к деривациям одного мотива. Она пишет: «Основными формообразующими элементами аппликационных войлоков Карачая и Балкарии являются «бараньи рога» (кьочхар мюйюз) – эта ритуальная эмблема кочевников» [17].

Предлагаемая нами интерпретация находит соответствия в материалах Е.Н. Студенецкой, хотя часть мотивов сегодня трактуется иначе. Так, спиралевидный элемент в верхней части полотна трактуется как солнечное колесо, а лавосторонняя свастика – как луна. В таком варианте рисунок приобретает космогонический характер и читается как изображение сферы небес. Второе: исследования последних лет показали, что название мотива *терек/джетек* лишь частично раскрывает семантику образа «дерева»/«ростка, побега». Сопоставление с обнаруженными в ареале евразийских степей петроглифами с мотивами многочастных древовидных фигур, интерпретированных Э.А. Новгородовой как изображения «женского родового древа» (рис. 4) [18], позволяет отнести сюжет *терек* к той же группе антропоморфных мифологем Евразии [19]. Генезис мотива подтверждается семантически близкими изображениями обожествленных женских сущностей. (Примеры: зооморфные фигуры в позе «на шпагате» на стенах святилища Чатал-Хуюка

(рис. 5); аналогичные по строю сюжеты южно-кавказских *зилу* (рис. 6); древовидные мотивы на сюннусских войлочных занавесях (рис. 2), туркменских ворсовых изделиях (рис. 7)). Однако, едва ли не важнейшим подтверждением является соответствие мотива *терек* несколько более простым по разработке, но имеющим идентичные идентификационные признаки мотивам *адам сурат* (букв. «изображение человека») собственно *джыйгыч-кийизов* (рис. 9). (Аналогичное мнение высказал В. Цагараев [20]).

Компоненты образа соответствуют строению человека: ромбовидная голова, вертикальное тело с парами симметрично отходящих «рук» и змеевидных «ног», между которыми видна голова рожаемого существа. Подобная иконография позволяет интерпретировать мотивы *джетек* не просто как антропоморфные фигуры, но как образы поколений рожаниц, в карачаево-балкарском варианте получивших некоторые черты скифской змееногой богини Апи. Уникальность представленного варианта в его архаике, поскольку рождаемые существа представляют не людей, но, предположительно, тотемных предков карачаевцев и балкарцев (сравним с образами святилища Чатал-Хуюк). При этом если левый и средний «младенец» рассматриваемого *джыйгыч-кийиза* не полостью узнаваем, то правая фигура идентифицируется как голова быка.

Учитывая, что, согласно тюркскими мифологическими представлениям, на ветвях Мирового Древа находятся зародыши детей и скота, можно говорить о рассматриваемом образе как о результате общего для Евразии процесса синкретизации мотива рожаниц с сюжетами Мирового древа и богинь всех зверей и растений.

Составленный черными и белыми треугольниками орнамент третьего, нижнего яруса композиции читается как изображение гор. Средняя полоса, в виде зигзага, узнается как образ воды. Составленный вертикальными древовидными фигурами верхний ряд трактуется как образ рода (предков). Иконография представлена на памятниках пазырыкской пластики и на ноин-улинских войлоках (рис. 2); позднее вошла, в каймовом варианте, в декор туркменских занавесей *энси*, где орнамент обозначен подтверждающим предложенное прочтение термином *йайле* (от арабского *'а'ила* 'семья').

В предложенной интерпретации рассматриваемый рисунок получает космогоническое звучание и может трактоваться как воплощение представлений скифо-иранского и древнетюркского населения Евразии о трехчастном строении мира. Опишем композицию, используя древнетюркскую терминологию: в верхних углах изображена «крыша над миром», то есть небо, на котором ежедневно рождаются солнце и луна. Средняя сфера, земля, населена обозначенными фигурами «рожаниц» «сынами человеческими». На нижних полосах представлен подземный мир, со своими землями, морями, реками и обозначенными фигурами *адам сурат* душами предков. Заметим, что монгольский эпос говорит о «соприкосании» краев небесного купола и земли: возможно, что данное представление о строении мира обозначено нижними изгибами образующей арки линии.

Добавим некоторые наблюдения к предположению Е.Н. Студенецкой об охранной роли джыйгыч-кийизов. «... в более ранний период [когда] очаг находился посередине дома... полоса узорного войлока могла охватить и, следовательно, «защитить» своей магической силой жилище со всем, что в ней находилось» [20]. Аналогичные выводы были получены нами при изучении туркменских полос для обвязывания юрты *иолам* [21]. Общность представленного на обеих группах памятников сюжета рожаницы, равно как и других мотивов, делает такое сопоставление еще более обоснованным.

Литература:

1. Баркова Л.Л. Красота, сотканная из тайн. Древнейшие в мире ковры. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2012. Ил. 34, 37, 39, 44 (а, б).
2. Кузнецова А.Я. Народное искусство карачаевцев и балкарцев. Нальчик, 1982. С. 66; Самарина Л.В. Цвет в языке и культуре некоторых народов Северного Кавказа и Дагестана // Краткое содержание докладов Лавровских (Среднеазиатско-Кавказских) чтений. 1993. СПб., 1994. С. 50-52; ее же. Бытование цвета в культуре кумыков и цветовые предпочтения // Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские) чтения 1994-1995. Краткое содержание докладов. СПб., 1997. С. 85-87; Текеев К.М. Карачаевские и балкарские узорные войлоки (ала киизы) // Советская этнография. М.: Наука, 1987, №2. С. 107-112.
3. Кузнецова А.Я. loc.cit. С. 77.
4. Новгородова Э.А. Древняя Монголия (Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории). М., 1989. С. 89-98, 106-109.
5. Руденко С.Н. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М., Л.: АН СССР, 1962. Табл. XXXIX-XLV.
6. Студенецкая Е.Н. Узорные войлоки карачаевцев и балкарцев // Кавказский этнографический сборник / отв. ред. В.К. Гарданов. М., 1976. Вып. VI. С. 202-221.
7. Студенецкая Е.Н. Loc. cit. Рис. 3-5; Кузнецова А.Я. Loc.cit. Табл. 20 (2, 3, 7).
8. Студенецкая Е.Н. Loc. cit. С. 206.
9. Студенецкая Е.Н. Loc. cit. С. 210. Рис. 8-13; 8-5; 8-1.
10. Студенецкая Е.Н. Loc. cit. С. 216.
11. Цагараев В. Искусство и время. Владикавказ: Ир, 2003. Рис. 109а, б; 111.
12. Цагараев В. Осетинский орнамент // Орнамент в традиционной культуре // Богиня и мировое древо. proekt@anaharsis.ru. Рис. 80.
13. Царев Н.В. Образ матери-прародительницы на войлочных изделиях кочевнических народов степи // Вестник молодых ученых: культурология и искусствоведение, 7'05. СПб.: Санкт-Петербург. гос. ун-т технологии и дизайна, 2010. С. 33-39.
14. Царева Е.Г. Войлоки Евразии // Культурное наследие народов Центральной Азии, Казахстана и Кавказа. (Сб. МАЭ, т. LI). СПб.: Наука, 2006. С. 226-265.
15. Царева Е.Г. Опоясывая пространство и время: ленты/полосы иолам в туркменской ковровой традиции // Урало-алтайские исследования. М.: Кормушин И.В. 2013. №9.
16. Царева Е.Г. Loc.cit., рис. С. 259-262.
17. ibid. С. 220-221.
18. Barber E.J.W. Prehistoric Textiles. The Development of Cloth in the Neolithic and Bronze Ages, with Special Reference to the Aegean. Princeton: Princeton University Press. 1991. P. 20-30.
19. ibid., P. 216-17, 221-22, 251, 281.
20. Cole T. Chinese Carpets. Art from the Steppes // Hali. London: Hali Publications Ltd, 1993. №67. P. 76. fig. 4, 6. P. 74-77.
21. Excavation Report drawing of Shrine E.VI, 10. Chatal Huyuk // Anatolian Studies, XIV. Ankara: the British Institute of Archaeology, 1964. P. 48.
22. Lloyd S., Mellaart J. Beycesultan. Vol. I. The Late Chalcolithic and Early Bronze Age levels. London: British Institute of Archaeology at Ankara, London: British Institute of Archaeology at Ankara, 1962. 296 p.
23. Mallory J.P., Mair V.Y. The Tarim Mummies. Ancient China and the Mystery of the Earliest Peoples from the West. London: Thames & Hudson, 2000. P. 212 и далее; цв. илл. II, V.
24. The Caucasian Peoples // Catalogue of Exhibition. Antwerp: Anne de Hingh, 2000. P. 83.

References:

1. Barkova L.L. *Beauty, woven of secrets. The world's oldest carpets*. SPb.: State Hermitage Museum, 2012. II. 34, 37, 39, 44 (a, b).
2. Kuznetsova A.Y. *Folk art of the Karachi and Balkars*. Nalchik, 1982. P. 66; Samarina L.V. *Color in the language and culture of some of the peoples of the North Caucasus and Dagestan // Summary of the reports of Lavrovsky (Central Asia and Caucasus) readings*. 1993. SPb., 1994. P. 50-52; the same. *Existing of color in the culture of the Kumyks and color preferences // Lavrovsky (Central Asia and Caucasus) readings*. 1994-1995. Summary of the reports. SPb., 1997. P. 85-87; Tekeev K.M. *The Karachi and Balkar patterned felts (ala kiyiz) // Soviet Ethnography*. M.: Nauka, 1987, №2. P. 107-112.
3. Kuznetsova A.Y. *loc.cit.* P. 77.
4. Novgorodova E.A. *Ancient Mongolia (Some problems of chronology and ethnic cultural history)*. M., 1989. P. 89-98, 106-109.
5. Rudenko S.N. *Culture of the Hunns and Noinulin mounds*. M., L.: AS USSR, 1962. Table XXXIX-XLV.
6. Studenetskaya E.N. *Patterned felts of the Karachi and Balkars // Caucasian ethnographic collection / Ed. B.K. Gardanov*. M., 1976. Iss. VI. P. 202-221.
7. Studenetskaya E.N. *Loc. cit.* Fig. 3-5; Kuznetsova A.Y. *Loc.cit.* Table 20 (2, 3, 7).
8. Studenetskaya E.N. *Loc. cit.* P. 206.
9. Studenetskaya E.N. *Loc. cit.* P. 210. Fig. 8-13, 8-5, 8-1.
10. Studenetskaya E.N. *Loc. cit.* P. 216.
11. Tsagaraev V. *Art and time*. Vladikavkaz: Ir, 2003. Fig. 109a, b; 111.
12. Tsagaraev V. *The Ossetian ornament // Ornament in traditional culture // Goddess and the world tree*. proekt@anaharsis.ru. Fig. 80.
13. Tsarev N.V. *Image of the mother - progenitor on the felts of nomadic peoples of the steppe // Bulletin of young scientists: cultural studies and art history, 7'05*. SPb.: St. Petersburg State University of Technology and Design, 2010. P. 33-39.
14. Tsareva E.G. *Felts of Eurasia // Cultural heritage of the peoples of Central Asia, Kazakhstan, and the Caucasus. (Coll. of MAE, v. LII)*. SPb.: Nauka, 2006. P. 226-265.
15. Tsareva E.G. *Encircling space and time: iolam tapes / strips in Turkmen carpet tradition // Ural-Altai studies*. M.: Kormushin I.V. 2013. №9.
16. Tsareva E.G. *Loc.cit.*, Fig. P. 259-262.
17. *The same*. P. 220-221.
18. Barber E.J.W. *Prehistoric Textiles. The Development of Cloth in the Neolithic and Bronze Ages, with Special Reference to the Aegean*. Princeton: Princeton University Press. 1991. P. 20-30.
19. *ibid.*, P. 216-17, 221-22, 251, 281.
20. Cole T. *Chinese Carpets. Art from the Steppes // Hali*. London: Hali Publications Ltd, 1993. № 67. P. 76. fig. 4, 6. P. 74-77.
21. *Excavation Report drawing of Shrine E.VI, 10. Chatal Huyuk // Anatolian Studies, XIV*. Ankara: the British Institute of Archaeology, 1964. P. 48.
22. Lloyd S., Mellaart J. *Beycesultan. Vol. I. The Late Chalcolithic and Early Bronze Age levels*. London: British Institute of Archaeology at Ankara, London: British Institute of Archaeology at Ankara, 1962. 296 p.
23. Mallory J.P., Mair V.Y. *The Tarim Mummies. Ancient China and the Mystery of the Earliest Peoples from the West*. London: Thames & Hudson, 2000. P. 212 и далее; цв. илл. II, V.
24. *The Caucasian Peoples // Catalogue of Exhibition*. Antwerp: Anne de Hingh, 2000. P. 83.